

Человек человеку пупс

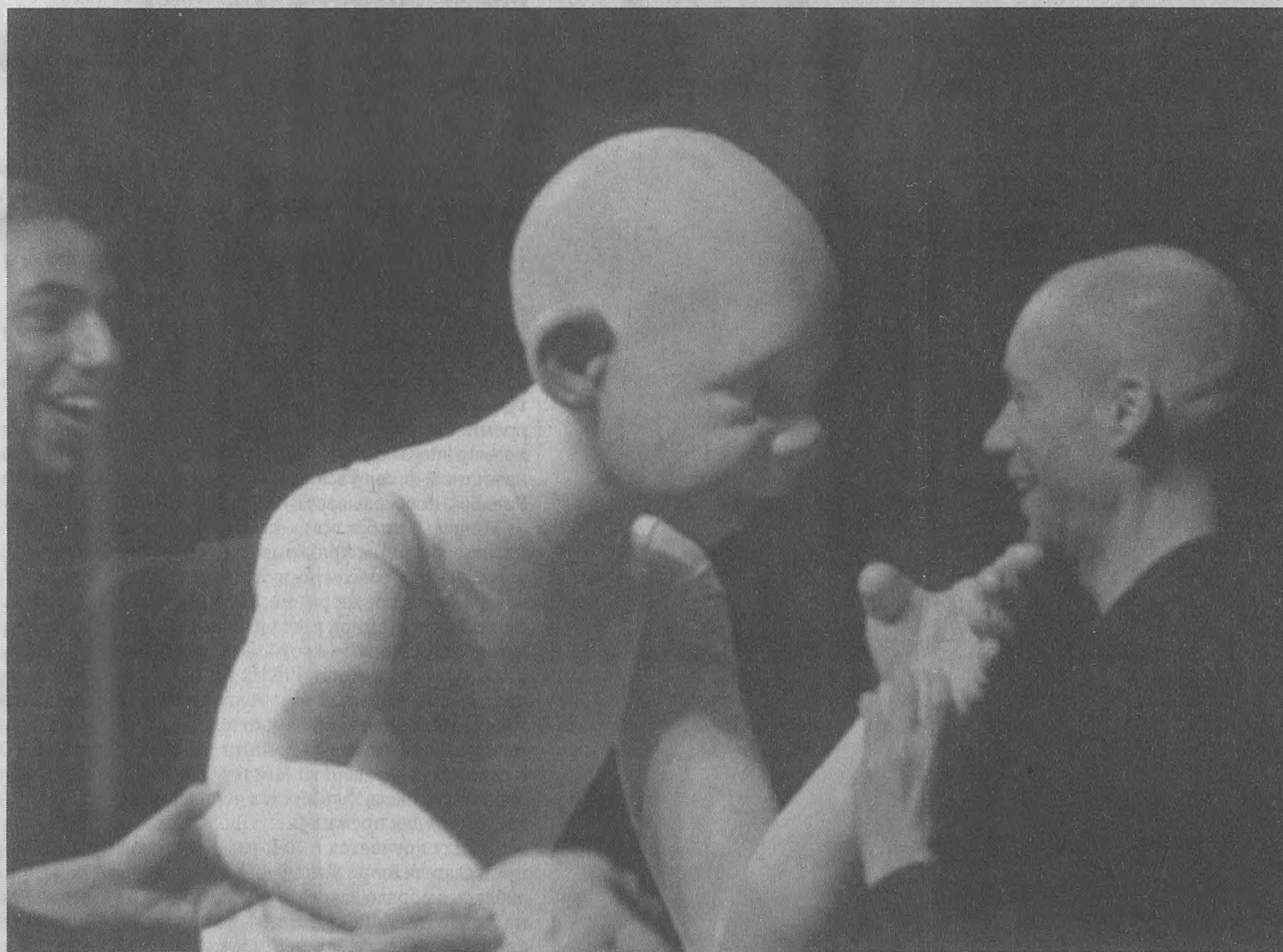
«Край земли» Филиппа Жанти

премьера театр

«Край земли» — так называется новый спектакль всемирно известного французского режиссера Филиппа Жанти. После первых показов во Франции труппа господина Жанти начала мировое турне спектакля с представительно-го Осеннего фестиваля в Мадриде, где на «Край земли» с удовольствием взирает РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.

Название у спектакля красивое, но условное. Можно было, в конце концов, назвать и как-нибудь иначе, главное — в столь же романтически-необязательном духе. И непременно с туманными объяснениями для зрителя про неотличимость сна от яви, про волшебство и забвение. В том театре, одним из самых знаменитых и признанных в мире мастеров которого уже не одно десятилетие считается Филипп Жанти, слова не значат ничего, а сюжет — почти ничего. Господина Жанти многие упорно называют кукольником (он начал в кукольном театре, да и сейчас куклы в его спектаклях не менее выразительны, чем люди), другие — одним из создателей так называемого нового цирка, третьи считают прежде всего дизайнером, автором визуальных образов. И все это правда. Театр Жанти — синтетический, в основном бессюжетный, он запоминается эффектными и неожиданными номерами, остается в памяти захватывающими картинками, виртуозной работой людей с фактурами и объектами.

Например, с полиэтиленом. В новом спектакле сцену несколько раз заполняют огромные полупрозрачные мешки.словно живые существа, они выползают откуда-то из-за кулис и надуваются невидимыми и бесшумными, но мощными насосами до невероятных размеров. Эти угрожающе шуршащие облака пухнут, разрастаются, теснят друг друга и актеров и наконец занимают все ограниченное черным порталом сцены пространство, так что лежащая

В спектаклях Филиппа Жанти актеры и их кукольные копии способны на диалог

на авансцене женская фигурка кажется придавленной невесомыми мутными глыбами. Внутри них, точно в колбах, могут оказаться человеческие фигуры, которые неизвестно как туда попадают и непонятно как оттуда исчезают, прежде чем чудища поникнут, скукожатся и уползут прочь.

Отлично придуманы и сцены с куклами. Только что на сцене танцевали мужчина и женщина, а вот уже вместо них тянут друг к другу руки их заместители — две куклы с пародийно непропорциональными конечностями, причем такие большие, что управляет каждой по

несколько человек, как будто в старом японском театре кукол бунраку. Только куклы могут реализовать невероятные сюрреалистические фантазии: когда дама задирает юбку, у мальчика-пупса из ширинки высовывается ядовитая змея. В самый ответственный момент он вдруг отцеловывает у партнерши все лицо — приклеившись к его губам, от женской куклы отрывается маска, и за ней в духе картины Магритта обнаруживается другая часть тела, тоже круглая по форме, но противоположная лицу по назначению. А потом кукол и вовсе растаскивают на части, и каждая из них едва не начинает

жить самостоятельной жизнью. Филипп Жанти все время играет объемами, то, что должно быть маленьким, вдруг оказывается очень большим, то, что было целым, обретает жизнь во фрагментах. Мир внятен, но подвижен, а оттого несет в себе опасность. Придуманные господином Жанти формы четки и даже графичны, но ни одна не гарантирована от разрушения.

Это не значит, что режиссер устраивает какой-то калейдоскоп превращений. Он знает толк и в долгих сценах. Вот высунулась из пола сцены человеческая голова, потом исчезла, сразу выпрыгнула назад, а тель-

це у нее — какой-то гусеницы. Только ахнешь, как поймешь: это всего лишь кукла, которую опять же ведут несколько человек. Жуткая гусеница усаживается женщине на руку, потом мигом превращается в какого-то человекообразного комара с синеватой лысиной, который танцует с героиней на тонких ножках долгий и явно злоежущий танец — уж больно недобро жужжат крылышки за спиной насекомого.

Что это, вы спросите, в конце концов, за женщина и почему с ней случаются какие-то напасти? Филипп Жанти придумал сюжет, которым легко оправ-

дать любую композицию и любое сценическое действие — путешествие на край света, так сказать, road-show, по аналогии с кинотермином. Путешествие — мотив у режиссера Жанти, судя по всему, сквозной: лет десять назад он показывал в Москве спектакль под названием «Неподвижный путник». На «Край земли» мужчину и женщину, выделенных среди десятка актеров в главные персонажи, толкает не столько разлука и чувство, сколько какая-то тайна. Не зря же они охотятся за листами бумаги, рвут их и сжигают. И не зря начинается все со сцены в некоем бюрократическом офисе и с хитроумного конферансье с «приклеенной» эстрадной улыбкой, который заваривает сюжетную кашу, которую потом «помешивают» двое не то ангелов, не то чертей с целым арсеналом трюков.

Но не стыдно признаться, что не все уяснил в сюжете. Ведь Филипп Жанти, поставивший спектакль вместе со своей давней помощницей Мари Андервуд, вовсе не рассказывает истории, а лишь нанизывает свои фантазии на нить какого-то путешествия. Дорога вьется сквозь дебри подсознания, петляет между образами, напоминающими о рождении и смерти, испытывает воздействие природных стихий, наконец, просто теряется. «Край земли» вовсе не означает у Филиппа Жанти «конец света» или что-то в этом духе. Потому что герои путешествуют не по жизни, а по сновидениям. И воображение такого художника, как маг Жанти, никогда не оставит человека перед неразрешимыми проблемами бытия. Начало спектакля загадочно и увлекательно. А конец совсем не печален, хотя героиня с синим чемоданом в руке разочарованно уходит через полиэтиленовые волны-сутробы за линию сценического горизонта. Но такое одиночество совсем не выглядит страшным — хотя бы потому, что оно смотрится очень красиво.